

6. *Return Migration: International Approaches and Regional Features of Central Asia. Textbook.* Under the ed. of Dr. S. V. Ryazantsev, Corresponding Member of the RAS. Almaty, International Organization for Migration (IOM) — United Nations Agency for Migration, 2020. 242 p. (In Russ.)
7. *World Migration Report 2018. IOM. Geneva. 2019.* URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2018_en.pdf.
8. *Practical demography. Textbook for universities. Collective monograph.* Ed. by L. L. Rybakovskii. Moscow, TsSP, 2005. 280 p. (In Russ.)
9. *On the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad. Federal Law of 24.05.1999, No. 99-FZ.* (In Russ.) URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102059861>.
10. Alaeva G. T. Return migration as an object of legal regulation // *Science. Culture. Society.* 2020. no 1. pp. 88-93. DOI 10.38085/2308829X-2020-1-88-93.
11. *Migration law. Textbook.* Ed. by A. N. Chashina. Moscow, Delo i Servis, 2013. 176 p. (In Russ.)
12. Sadovskaya E. Remittances of labor migrants and their role in migrant households in Central Asia. *Central Asia and Caucasus*, 2006, no. 3, pp. 130—144. (In Russ.)
13. Ryazantsev S. V. Labor migration from Central Asia to Russia in the context of the economic crisis. *Valdai Papers*, 2016, no. 55, pp. 2—23. (In Russ.)
14. *World Population Prospects: The 2017 Revision, custom data acquired via website.* UN Department of Economic and Social Affairs. 2017. URL: <https://population.un.org/wpp/DataQuery>.
15. Vorob'eva O. D., Topilin A. V., Mukomel' V. I. et al. *Many-sided migration.* Under the ed. of O. D. Vorob'eva, A. V. Topilin. Moscow, Ekon-inform. 2014. 261 p. (In Russ.)
16. Section "Migration". (In Russ.) URL: <http://new.cisstat.org>.
17. Chernov A. S. Impact of labor migration on the regional labor market. *Bulletin of MSTU*, 2012, vol. 15, no. 1, pp. 245—249. (In Russ.)
18. *The size and migration of the population of the Russian Federation.* Moscow, Rosstat, 2020. (In Russ.) URL: <https://www.gks.ru>.
19. Tieme S. *Where to go back to? Rural and urban relationships in the context of internal and external labor migration. Analytic note.* (In Russ.) URL: https://auca.kg/uploads/Migration_Database/Susan_rus.pdf.
20. *Analysis of the socio-economic problems of returning labor migrants in the Republic of Tajikistan. Research results of the public organization "Center for Innovative Development".* Dushanbe, 2018. P. 12. (In Russ.) URL: <http://mehnat.tj/nii/ru/2018/12/23/2018г-анализ-социально-экономических-проблем>.
21. Kislitskaya A. S. Children's and women's migration as one of the factors of the globalizing world. *Young scientist*, 2019, no. 21, pp. 481—482. (In Russ.) URL: <https://moluch.ru/archive/259/59356>.
22. Kazantsev A. *Crisis in Afghanistan: security problems of Russia and Central Asian countries.* (In Russ.) URL: <https://rus-siancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krizis-v-afganistane-problemy-bezopasnosti-rossii-i-stran-tsentralnoy-azii>.

Статья поступила в редакцию 16.11.2021; одобрена после рецензирования 25.11.2021; принята к публикации 02.12.2021.
The article was submitted 16.11.2021; approved after reviewing 25.11.2021; accepted for publication 02.12.2021.

Научная статья

УДК 334.74

DOI: 10.25683/VOLBI.2022.58.119

Алим Борисович Фиапшев

Doctor of Economics,
Professor at the Department of Banking
and Financial Markets,
Senior Researcher
of Research Center for Monetary Relations,
Financial University
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
fiapshev@rambler.ru

Алим Борисович Фиапшев

д-р экон. наук,
профессор Департамента банковского дела
и финансовых рынков,
старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра
денежно-кредитных отношений,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
fiapshev@rambler.ru

ФУНКЦИОНАЛ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ КАК ВНЕШНЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ИХ СУТИ И ФАКТОР РАЗВИТИЯ

08.00.10 — Финансы, денежное обращение и кредит

Аннотация. В статье анализируется феномен децентрализованно эмитируемых цифровых валют с позиции выполняемых ими функций. Характер и направления использования этих валют в современном платежном обороте позволяют ставить вопросы об их денежном статусе и мере соответствия их функционала различным наборам

денежных функций. В статье содержится сравнительный анализ различных классификаций функций денег, предпринятый с целью выбора наиболее адекватной современному монетарному феномену их теоретической конструкции. Проецирование этой конструкции на направления и способы оперирования децентрализованными цифровыми валютами, сравнение их с особенностями обращения фиатных денег в целом показало схожесть функционала платежных средств различного происхождения. С позиции функционального подхода децентрализованные платежные средства содержат в себе выраженные монетарные свойства. Обращение к опыту исследования частных денег показало, что фиатность является одним из атрибутов денег как таковых, а отсутствие статуса законного платежного средства традиционного обеспечения, свойственного для этих средств, не может служить основанием для непризнания возможности появления частных денег и конкурен-

ции в монетарной сфере. Расширение платежного оборота за счет платежных средств децентрализованного происхождения, пополнение финансового рынка на базе этого процесса новыми инструментами и продуктами рассматриваются как эмпирическое подтверждение выдвинутого тезиса о функциональных возможностях цифровых валют. Эти возможности рассматриваются как важный фактор становления и развития децентрализованной финансовой реальности, появления институциональных новообразований на финансовом рынке, усиления конкуренции между этими образованиями и традиционными рыночными институтами.

Ключевые слова: сущность денег, функции денег, фиатные деньги, цифровые валюты, функции цифровых валют, криптовалюты, частные деньги, конкуренция в монетарной сфере, традиционные финансовые системы, децентрализованные финансовые системы

Для цитирования: Фиапшев А. Б. Функционал цифровых валют как внешнее проявление их сути и фактор развития // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 1 (58). С. 25—31. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.58.119.

Original article

FUNCTIONAL OF DIGITAL CURRENCIES AS AN EXTERNAL MANIFESTATION OF THEIR ESSENCE AND A FACTOR OF DEVELOPMENT

08.00.10 — Finance, money circulation and credit

Abstract. The article analyzes the phenomenon of decentralized digital currencies from the standpoint of their functions. The nature and directions of the use of these currencies in modern payment circulation make it possible to raise questions about their monetary status and the extent to which their functionality corresponds to various sets of monetary functions. The article contains a comparative analysis of various classifications of the functions of money, undertaken with the aim of choosing the most adequate to the modern monetary phenomenon of their theoretical structure. Projecting this structure onto the directions and methods of operating with decentralized digital currencies, comparing them with the peculiarities of the circulation of fiat money as a whole showed the similarity of the functional of means of payment of various origins. From the standpoint of the functional approach, decentralized means of payment contain pronounced monetary properties. Turning to the experience of studying private money showed that fiatity is one of the attributes of money as such, and

the absence of legal tender status, the traditional security inherent in these funds, cannot serve as a reason for not recognizing the possibility of the emergence of private money and competition in the monetary sphere. The expansion of the payment turnover at the expense of means of payment of decentralized origin, the replenishment of the financial market on the basis of this process with new instruments and products are considered as empirical confirmation of the put forward thesis about the functionality of digital currencies. These opportunities are viewed as an important factor in the formation and development of a decentralized financial reality, the emergence of institutional new formations in the financial market, and increased competition between these entities and traditional market institutions.

Keywords: essence of money, functions of money, fiat money, digital currencies, functions of digital currencies, cryptocurrencies, private money, competition in the monetary sphere, traditional financial systems, decentralized financial systems

For citation: Fiapshev A. B. Functional of digital currencies as an external manifestation of their essence and a factor of development. *Business. Education. Law*, 2022, no. 1, pp. 25—31. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.58.119.

Введение

Актуальность исследования определяется поступательно увеличивающимся ареалом обращения цифровых платежных средств децентрализованного происхождения, отсутствием консенсуса среди исследователей и практиков финансового рынка по вопросу признания за ними денежного статуса, расхождением в интерпретации их функций, применении к анализу их движения различных классификаций монетарного функционала. Полярность сохраняется и в суждениях на предмет перспектив развития этого феномена, возможностей его сосуществования с цифровой валютой центрального банка (CBDC), вовлечения в его сферу регулируемых финансово-кредитных организаций, его жизнеспособности на фоне реализуемых в отношении него надзорных практик.

Изученность проблемы. Проблемы цифровых валют уже заметное время находятся в фокусе исследований монетарной теории и финансовых рынков. При этом если зарубежные авторы главным образом концентрируются на их анализе в контексте вопросов, сопряженных с функционированием финансового рынка, инвестиционных предпочтений их участников, то представители отечественной науки, не забывая об этих прикладных аспектах, сосредотачиваются на фундаментальном срезе проблеме, пытаясь дать всестороннюю оценку сути явления, движущих сил процесса цифровизации монетарной сферы, их влияния на развитие сущности и функций денег. Из числа исследований в этом направлении выделяются работы М. А. Абрамовой, С. Е. Дубовой, Д. А. Кочергина, А. Ю. Симановского, М. А. Портного [1—6]. Макроэкономические

эффекты влияния цифровых валют, в том числе отражающиеся на функционировании финансовых рынков, составляют сегодня наиболее востребованную область исследований прикладного плана [7—10]. Иницируемый национальными регуляторами охват цифровизацией ареала обращения фиатных денег активизировал исследования соответствующего феномена и его возможных последствий [11—14]. В то же время это направление исследований дистанцируется от цифровых валют децентрализованного происхождения, в лучшем случае рассматривая предполагаемые и уже реализуемые новации как реакцию регуляторов на экспансию криптовалют, которым при этом отказывается в денежном статусе [13, 14].

Целесообразность разработки темы. Расхождения в представлении и классификации денежных функций, трактовке сути процессов, происходящих в сфере децентрализованных финансов, по меньшей мере не приближают к прояснению функциональных возможностей платежных средств, возникающих в ее недрах и расширяющихся в своих объемах и видовом составе. Данные обстоятельства определяют необходимость исследований в этом направлении, прежде всего теоретического плана, но с опорой на эмпирический материал, предоставляющий свидетельства о масштабах и темпах экспансии упомянутой сферы.

Научная новизна работы состоит в исследовании сути цифровых валют с позиции функционального подхода, выражающегося не в подчинении этой сути функциям, а в рассмотрении их как внешнего ее проявления, продуцирующего возможности для развития всего феномена.

Методологическую основу исследования составили диалектические методы познания, предполагающие идентификацию базовых свойств явления, а через последние — его функционал и возможности. В исследовании функций денег произведена опора на соответствующие классификации, представленные в отечественном и зарубежном анализе монетарной проблематики.

Цель исследования, состоящая в обосновании монетарного статуса децентрализованных эмитируемых и обращающихся платежных средств через идентификацию их функционала, предполагает решение следующих **задач**: провести сравнительный анализ разных классификаций денежных функций; с опорой на конкретную теоретическую конструкцию последних спроецировать ее на цифровые валюты; дать оценку феномена частных денег и определить факторы его развития.

Теоретическая значимость работы связана с развитием отдельных положений монетарной теории в части функций денег, возможностями и мерой их выполнения эмитируемыми и обращающимися платежными средствами нефтяного характера. Возможности последующего исследования в обозначенном главной целевой установкой работы направлении определяют ее **практическую значимость**.

Основная часть

На протяжении эволюции денег расширение их видового состава определялась развитием технологий во всем их многообразии, но главным образом тех, которые модернизировали способы хранения, обработки и передачи информации, индивидуальные и общественные коммуникации. Эта обусловленность сильнее и рельефнее проявила себя в рождении и распространении цифрового монетарного феномена. Здесь сложились два доминирующих тренда, классифицируемые в зависимости от факта, а также возможности государственного участия в цифровой модернизации монетарной сферы.

Первый — это, собственно, активное развитие систем децентрализованных финансов, в основе которых лежит обращение средств нефтяного характера.

Второй тренд можно рассматривать как следствие первого. По сути, он составляет реакцию монетарных властей на технологические вызовы, а также экспансию криптоэкономики с ее финансовой системой. В рамках него рождаются инициативы по созданию цифровой фиатной валюты. При этом они нередко сопровождаются законодательной фиксацией достаточно жестких ограничений в отношении операций с децентрализованно эмитируемыми цифровыми платежными средствами и, что немаловажно, обоснованиями, сводящимися к отрицанию их монетарного характера. Источники этих заключений не ограничиваются разного рода докладами, исходящими из недр национальных регуляторов [14], они широко представлены и многочисленными научными исследованиями [4, 5]. Доминирование этой позиции в современном анализе характера децентрализованно эмитируемых цифровых платежных средств не исключает, а, скорее, провоцирует обращение к их феномену в контексте сути и функционала денег как таковых.

Действительно, суждение о монетарном статусе этих средств изначально предполагает определенность в представлении о нем. Многообразие дефиниций на этот счет не без оснований группируется соответственно принадлежности их выработки различными научными доктринами, определявшими развитие экономической мысли и имевшими многочисленные практические приложения. По этому признанному критерию обоснованно выделяются воспроизводственная и функциональная трактовки сущности денег. Если в соответствии с последней все относительно просто, учитывая ее выраженную прагматическую направленность, сводящуюся к признанию упомянутого статуса за активом при его выраженных потенциях к выполнению монетарного функционала, то первая предполагает идентификацию у этого актива базовых — сущностных — атрибутов денег. Функции же предопределены этим содержательным наполнением, выступают как внешнее его проявление. Но эти базовые свойства, как оказывается, вполне проглядываются у децентрализованных цифровых платежных средств [6]. Исключение составляет фиатность, выраженная в законодательной фиксации только одной стороны сущностной компоненты денег всеобщности, которая, как показывает история их развития, порой в определяющей мере зависела от других своих оснований.

Обращаясь к функционалу монетарного феномена, следует также отметить различия в его интерпретации. Водораздел между традиционной для отечественной школы классификацией из пяти денежных функций и зарубежной из трех в значительной мере формировался, с одной стороны, соображениями прагматизма в представлении этих функций, доминировавших среди западных исследователей и трактованных ими преимущественно с позиции работы, выполняемой деньгами в экономике, а с другой — необходимостью формирования значимой теоретической подпорки экономических явлений, апологизируемой еще с марксовыих времен и прочно укрепившейся в отечественной исследовательской традиции [15]. Прежде чем подойти к рассмотрению функционала и возможностей цифровых денег, эмитируемых в децентрализованном порядке, не лишним было бы привести обоснование выбора наиболее приемлемой для этих целей теоретической конструкции, имеющей, впрочем, когда мы говорим о функциях, вполне конкретное практическое приложение. Набор, включающий в себя пять денежных функций — меры

стоимости, средств обращения, платежа, накопления и мировых денег, в известной мере традиционен для отечественных исследований, имеющих своим итогом научные и, главным образом, учебные издания. Уже сам факт этой традиционности, имеющей продолжительную историю и сохраняющейся поныне, на фоне динамично развивающейся монетарной действительности рождает множество позиций о видоизменении состава денежных функций. Не вдаваясь в оценку меры претенциозности подобной постановки вопроса, отметим, что функционал того или иного феномена относительно стационарен, и, отражая свойственную ему работу, его изменения синхронизированы с изменениями видового разнообразия этого феномена, которые не затрагивают его сущность. В противном случае мы говорили бы уже о другом явлении, другой сущности. Таким образом, можно говорить лишь об эволюционной трансформации функций, в нашем случае денежных, изменении их проявления, ни в коем случае не затрагивающем сущностной стороны явления.

Возвращаясь к пятисоставной классификации функций денег в ее традиционном виде, необходимо согласиться с часто выражаемой отечественными исследователями позицией об утрате ею в заметной мере адекватности в описании прикладных приложений современных денег [6]. С учетом этого для последующего анализа функциональных потенций нефтяных цифровых денег позволим себе встать на позицию «укороченной» классификации денежных функций, характерной для зарубежной традиции в их исследовании [16, 17].

На начальных этапах обращения цифровых валют способность выполнения ими функции единицы счета была обусловлена наличием соотношения и связи между ними и фиатными деньгами. Последние рассматривались как их обеспечение. Подобные отсылки присутствуют и сегодня. Так, обладатель цифровой валюты, эмитированной в децентрализованном порядке и обращение которой имеет выраженную локацию, всегда подспудно оценивает свои возможности не количеством имеющихся в наличии криптоактивов, а их эквивалентом в фиатных деньгах, как правило, в валюте, конвертируемой без всяких ограничений. Но то же самое мы делаем и с любой другой валютой. Чем более волатильна валюта, неважно какая, цены, отражающие стоимость в рамках системы обращения этой валюты, хотя и выражены в них, мысленно измеряются в более устойчивых эквивалентах. К деньгам электронным и их децентрализованной цифровой разновидности этот синдром может быть отнесен в полной мере. Но все же следует помнить о важном свойстве этой функции в традиционной интерпретации, о котором говорил еще К. Маркс. Она заключается в том, что деньги в этом своем предназначении выступают идеальным образом, т. е. все обменные пропорции (равно как и соотношения с другими активами) выстраиваются до вступления денег в оборот [15]. Наличие уже самой возможности подобного мысленного соизмерения ценностей превращает деньги в этой функции в технический инструмент, единицы счета, своеобразную шкалу оценки ценности конкретного блага. Причем уместнее говорить о ценности, нежели о стоимости, учитывая, что факторы формирования обменных пропорций образуют совокупность, в рамках которой затраты труда живого и овеществленного лишь одни из множества образующих ее элементов. Но применительно к деньгам электронным, в том числе выпускаемым в децентрализованных системах, установление цен товаров (работ, услуг) посредством этих денег ограничено их волатильностью и локацией их обращения. Тем не менее участники соответствующих локальных

систем ощущают на себе реализацию деньгами этой функции. Отсылки к ограниченности числа пользователей этих систем, масштабов их распространения, выраженных в стоимостных единицах, нельзя рассматривать как обоснование ничтожности феномена. В конце концов, подобную логику можно распространить и на национальные деньги, которые используются для установления цен в географических границах соответствующих государств. Выступая как единицы счета, анализируемые средства, независимо от их эмитента, по сути, являются представителем ценности, которой они наделены если не в силу закона, то доверием, формирующим параметр всеобщности как важный сущностный атрибут денег как таковых.

В функциях средства обращения или средства платежа цифровые деньги, впрочем как и другие, опосредуют процесс обмена товаров (работ, услуг). В отличие от электронных денег, выступающих как предоплаченный финансовый продукт, те же криптоактивы более автономны и проявляют значимые возможности в реализации обменных сделок в виртуальном пространстве с минимизацией временных и пространственных ограничений. Если в расчетах электронными деньгами на первом этапе имеет место уступка продавцу со стороны покупателя права требования по исполнению денежных обязательств к оператору соответствующей системы, а окончательный расчет подразумевает покрытие сделки фиатными деньгами, то в расчетах цифровыми валютами, как правило, заключительная стадия составляет отдельную нишу валютно-обменных операций в их классическом виде. И в этом смысле цифровые валюты, эмитируемые в децентрализованном порядке, ближе к фиатным деньгам, нежели к электронным, разновидностью которых их часто представляют. Но при всем при этом, в отличие от законных денежных средств, способность обращения цифровых валют, впрочем как и электронных денег, ограничивается пределами их признания в качестве приемлемого средства для проведения транзакций, в полной мере зависящими от доверия, выступающего фактором формирования такого сущностного атрибута денег, как всеобщность.

Совершение операций, носящих выраженный кредитный характер, с использованием цифровых валют по товарным и нетоварным платежам (хотя и здесь имеет место фактическое авансирование) также не отягощено выполнением обязательств оператора системы, погашающимся в итоге фиатными деньгами (как в случае с электронными деньгами). Поэтому анализируемые платежные средства в целом справляются и с этой функцией, но в пределах сферы оперирования ими. При всем при этом эти средства активно вовлечены в кредитный процесс с задействованием новых финансовых технологий, а также в операции по мобилизации и размещению капитала.

Если тот или иной актив принимается в качестве средства платежа, он должен являться и средством сохранения стоимости. И, с другой стороны, активы не будут признаваться средством платежа, если они не способны обеспечить покупательную способность в будущем. Уже сам этот тезис опровергает невозможность выполнения теми же криптовалютами функции средства накопления. Более того, мотивация вхождения в эти активы зачастую предопределена соображениями сохранения и преумножения стоимости, невзирая на их волатильность. Цифровые деньги могут использоваться для расчетов в будущем. Вместе с этим в современном анализе данный тезис оспаривается тем, что цифровым децентрализованно эмитируемым деньгам присущи большие риски, неспособность приносить доход и пр. Если значимые риски сохраняются,

то их высокому уровню, как правило, сопутствует соответствующий доход, тем более что уже не первый год активно развиваются финтехнологии, расширяющие арсенал методов увеличения доходов от проведения операций с криптоактивами. Опыт оперирования последними убеждает в наличии у них способности сохранять и приумножать стоимость. Что же касается функции мировых денег, которая сохраняется в традиционной для нас классификации денежных функций, то и здесь возможности цифровых активов обслуживать международный платежный оборот редко оспариваются. Именно с этим связывают содержание этой функции в рамках упомянутой классификации, которой, как известно, не без оснований отказано в самостоятельном существовании зарубежными исследователями. Но, безотносительно к этим разногласиям, способность анализируемой денежной разновидности преодолевать пространственные рамки национальных экономических систем очевидны. Вкупе с другими своими преимуществами, позволяющими обойти требования национальных монетарных властей, их технологическая подпорка обусловила их быстрое распространение и, соответственно, признание в качестве самостоятельной денежной разновидности и действенного инструмента проведения транзакций, мобилизации и размещения капитала. Вместе с этим ареал их обращения четко ограничен рамками отводимого для этого виртуального пространства, равно как и реакцией национальных регуляторов на распространение этого цифрового феномена. Данная реакция вполне объяснима с учетом рисков, сопутствующих этому явлению, но и не редко провоцирована предубеждениями о потенциальных угрозах, которые он несет для сферы обращения фиатных денег.

Таким образом, традиционный монетарный функционал в целом распространяется на сферу эмиссии и обращения цифровых денег нефатного характера. Все денежные функции для него характерны, справляется он с ними в разное время по-разному, что, впрочем, уместно отнести и к отдельным национальным валютам, способности которых в этом смысле варьируются в зависимости от макроэкономических условий. Наличие функциональных потенциалов обеспечивает предпосылки для развития анализируемого явления; вместе с тем наличествует еще целая совокупность условий, препятствующих полноценной конкуренции различных видов денег, отличающихся по признаку субъектности своего возникновения.

При этом выгоды подобного соперничества, возникающего на базе возможной денационализации денег, в свое время были убедительно представлены Ф. Хайеком [18]. Этот выдающийся ученый со свойственной ему основательностью и изысканностью в обоснованиях, верностью идеалам рыночной свободы обнаружил многочисленные исторические подтверждения феномена частных денег, доказывал возможность продуктивного обращения разных валют, опровергая тезис, высказанный еще У. Джевонсом, о том что, «нет ничего менее подходящего для конкуренции, чем деньги» [19]. Этим самым он противопоставлял свою позицию и «догмам» количественной теории — универсалии, неизбежность которой и сегодня многими не подвергается сомнению [20]. Хайековская концепция не исключает вероятности появления и распространения «паразитирующих валют», что может быть минимизировано ответственным контролем банков над своей валютой, необходимостью которого многих из них вынудит использовать наиболее надежную частную валюту других эмитентов. При этом возможность продуктивного обращения нескольких валют и отбраковки

некачественных из их совокупности должна обеспечиваться гибкостью валютных курсов, которая нередко может исключаться из приоритетов регуляторной практики.

Вся хайековская теоретическая конструкция зиждется на деньгах как таковых со своими сущностными атрибутами и функционалом, в рамках которой можно усмотреть возможность их развития, но исключая вероятность радикальной трансформации. И вообще, сущностный посыл в подобных и множестве иных, рожденных в недрах западного экономического анализа теоретических построениях уступает свое место функциональному. Фактически он вообще отсутствует здесь, доказательства изначально исходят из уже имеющегося сущностного наполнения явления, при этом не являющегося объектом сколько-нибудь значимого обсуждения. Подобный позитивистский крен в западном экономическом анализе, явно обозначившийся со второй половины XX столетия, к его исходу существеннейшим образом отразился на соответствующей отечественной практике.

Возвращаясь к феномену частных денег, в экономической истории мы находим множество подтверждений эмиссии и оборота негосударственных средств платежа, впоследствии централизованных и зафиксированных соответствующими законодательными установлениями. Последующее развитие финансовой реальности рождает множество инструментов, принимающих атрибуты платежных средств, зачастую трактуемых как «почти деньги» [21].

Кульминационной фазой разорванного во времени процесса развития феномена частных денег является выраженная денационализация денег как таковых, вызванная технологическим фактором, перманентно провоцирующим несанкционированную государством эмиссию цифровых платежных средств. Выраженность этого движения предопределена известным абсолютизмом в монетарной сфере, бывшим неизменным до недавних времен, и его ускорение подпитывается еще множеством факторов, от мотивации криптоэнтузиастов до формирования и разрастания параллельной финансовой реальности, функционирующей на децентрализованной основе. И в этой фазе, равно как и во времена появления новаторской монетарной концепции Ф. Хайека, когда даже самые смелые прогнозы не способны были отразить слабые контуры современной финансовой реальности, вопрос о платежных средствах частного происхождения часто купируется до отрицания их денежного статуса. Подобный дискурс представляется малопродуктивным, поскольку фактически исключает из анализа важную сторону современной монетарной реальности. При этом вопросы, связанные с теоретической интерпретацией явлений, сопутствующих развитию этой стороны, отнюдь не праздные. Уже сам факт наличия платежно-расчетного функционала у продуктов процесса, если не денационализации монетарной сферы (отдавая должной криптоскептикам), то уже расширения границ эмиссии и оборота платежных средств, должен стать побудительным мотивом к изысканиям теоретического плана в соответствующем направлении. И, несомненно, важными вопросами в этой связи являются вопросы признания за этими средствами денежного статуса, а также факта и меры изменения ими сущности и функций денег как таковых, если соответствующие качества идентифицируются и упомянутый статус подтверждается. Если в представлении Ф. Хайека платежные средства, эмитируемые частными кредитными институтами, признавались деньгами, которые в исторической ретроспективе обсуживали часть совокупного денежного оборота и сохраняли эту потенцию уже в реальности, сопутствовавшей его продолжительной и плодотворной жизни, то что

нам сейчас мешает это сделать со средствами, впрыскиваемыми в гораздо больших объемах в существенную часть экономики субъектами, только лишь не обладающими официальным кредитным статусом? В целом давая позитивный ответ на поставленный вопрос, признаем, что децентрализация монетарной сферы, продуцирующая формирование и развитие параллельной финансовой реальности, — это данность. Пока еще разное к ней отношение национальных регуляторов фактически не исключает возможность применения к ней жестких регуляторных и надзорных практик, дестимулирующих финансово-кредитные организации, действующие в регуляторном поле (организации TradFi), в вовлечение в операции с децентрализованно эмитируемыми платежными средствами.

Произошедший в 2021 г. беспрецедентный по своим объемам рост капитализации рынка криптовалют можно и необходимо рассматривать как свидетельство преимуществ децентрализованных финансовых систем (DeFi). В то же время со всей очевидностью они в обозримой перспективе не составят значимую альтернативу системам традиционным. Но то, что они содержат в себе потенции смещать фронт, очерчивающий нишу последних, провоцировать институциональные пертурбации на финансовом рынке, представляется очевидным. Феномен децентрализованных финансовых систем шире явления криптовалют во всем их видовом многообразии, динамизме объемных и курсовых значений. Но в то же время он является и фактором расширения арела обращения последних, предоставляя и им также целую совокупность практических приложений. Игнорировать эту реальность уже сложно, банки и финтех-компании в странах, где есть нормативные послабления, активно вторгаются в сферу обращения цифровых валют. Это так называемый сегмент BlockFi, включающий новые цифровые банки, основанные на блокчейне, которые централизованы и регулируются. Они в полной мере, в отличие от DeFi, выполняют функцию KYC (know your client — «знай своего клиента»), предлагая основные розничные и инвестиционные банковские продукты в криптовалюте. Главной движущей силой расширения этого сегмента является инерционность в поведенческих установках, не искушенных в тонкостях финансового рынка граждан, предпочитающих, чтобы их средства содержались на регулируемом счете, что предоставляет для них большее ощущение безопасности, даже если оно

ложное. В этом явно просматривается инновационный прорыв кредитных организаций, действующих в регулируемом поле и отвечающих на рыночные вызовы.

Заключение

Подводя итог изложенному, следует отметить, что потенциал распространения феномена цифровых валют определяется их выраженным монетарным функционалом и наличием у них же важнейших содержательных атрибутов, свойственных деньгам в их воспроизводственной трактовке, не говоря уже о функциональной. Надо отметить, что в оперировании терминами валюты и денег часто просматривается недооценка их взаимообусловленности. Говоря о цифровых валютах, также нередко, как отмечалось выше, допускается отрицание у них денежного статуса. Но валюта вполне себе денежный знак, привязанный к конкретному географическому пространству и юрисдикции. Цифровые валюты частного происхождения, обходя эти ограничения, свойственные для фиатных денег, в пределах ниш своего обращения выполняют функционал, присущий законным платежным средствам. Отсутствие обеспечения и курсовой стабильности, также характерное и для последних, не может служить основанием, достаточным для отказа им в анализируемом статусе.

Развитие этого феномена будет определяться в обозримой перспективе действием взаимосвязанных факторов. Первый из них — это технологический фактор, активно модернизирующий монетарную реальность, провоцирующий вовлечение в ее нефинансовую часть традиционных банков и финтех-компаний. Еще одним фактором могут стать регуляторные послабления для учреждений TradFi и BlockFi, которые раскрепостят и увеличат их инновационные потенции в части ответа на рыночные вызовы, сопряженные с цифровыми валютами и активным распространением DeFi-проектов. Играть определенную и заметную роль будет инерционность в функционировании сегмента TradFi, помимо всего прочего связанная с отставанием от BlockFi- и DeFi-сегментов. И, наконец, последнее: на вызовы децентрализованных финансов следует ответить в виде внедрения CBDC, в операции с которой могут допущены избранные TradFi-игроки. Но эта реальность вряд ли подавит сферу создания и обращения частных денег, процесс формирования и развития на их основе децентрализованных финансовых проектов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамова М. А. Некоторые аспекты трансформации функций современных денег в условиях диджитализации экономики // *Банковские услуги*. 2020. № 1. С. 12—16. DOI: 10.36992/2075-1915_2020_1_12.
2. Абрамова М. А., Дубова С. Е. Мультидисциплинарность как важнейший методологический подход к исследованию современных денег // *Экономика. Налоги. Право*. 2020. № 5. С. 6—15. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-5-6-14.
3. Кочергин Д. А. Место и роль виртуальных валют в современной платежной системе // *Вестн. СПбГУ. Экономика*. 2017. Т. 33. Вып. 1. С. 119—140. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-virtualnyh-valyut-v-sovremennoy-platezhnoy-sisteme>.
4. Портной М. А. Роль денег, криптовалюты, золота в современной денежно-кредитной политике // *Экономика. Налоги. Право*. 2019. № 1. С. 20—29. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-1-20-29.
5. Симановский А. Ю. К вопросу об экономической природе криптовалюты // *Вопросы экономики*. 2018. № 9. С. 132—142. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-9-132-142.
6. Современная теория денег : моногр. / Под ред. М. А. Абрамовой. Т. 2. Исследование на функциональном уровне. М. : Кнорус, 2021. 208 с.
7. Virtual currencies and beyond: initial considerations / H. Dong et al. // *IMF Staff Discussion Note*. 2016. SDN/16/03.
8. Adrian T., Mancini-Griffoli T. The rise of digital money. URL: <https://www.imf.org/FTNEA2019001.pdf>.
9. Central bank digital currency: Central banking for all? / J. Fernández-Villaverde, D. Sanches, L. Schilling, H. Uhlig // *Review of Economic Dynamics*. 2020. Available online 29 Dec.
10. Brunnermeier M. K., Niepelt D. On the equivalence of private and public money // *Journal of Monetary Economics*. 2019. Vol. 106. Pp. 27—41.

11. Домашенко А. А., Абрамова М. А., Луняков О. В. Взаимосвязь цифровой валюты в платежном обороте и производительности труда // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 6. С. 30—38. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-6-30-38.
12. Киселев А. Есть и будущее у цифровых валют центральных банков? URL: https://cbr.ru/content/document/file/71328/analytic_note_190418_dip.pdf.
13. Рейхерт Н. В. Анализ моделей внедрения цифровой валюты в России // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 4(57). С. 76—83. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.57.410.
14. Доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль». URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf.
15. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Собр. соч. : в 30 т. Т. 13 / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М. : Политиздат, 1959. 771 с.
16. Харрис Л. Денежная теория / Пер. с англ. М. : Прогресс, 1990. 750 с.
17. Mankiw N. G. *Principles of economics*. South-Western College Pub., 2003. 848 p.
18. Хайек Ф. Частные деньги. М. : Ин-т нац. модели экономики, 1996. 202 с.
19. Friedman M., Schwartz A. *Monetary Statistics of the United States*. New York, 1970. 629 p.
20. Jevons W. S. *Money and the Mechanism of Exchange*. London, 1875. 349 p.
21. Прокопенко З. В. Экономическая феноменология: миф о денационализации // Экон. вестн. Рост. гос. ун-та. 2008. Т. 6. № 3. Ч. 3. С. 27—28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-fenomenologiya-mif-o-denatsionalizatsii>.

REFERENCES

1. Abramova M. A. Some aspects of the transformation of the functions of modern money in the context of the digitalization of the economy. *Banking services*, 2020, no. 1, pp. 12—16. (In Russ.) DOI: 10.36992/2075-1915_2020_1_12.
2. Abramova M. A., Dubova S. E. Multidisciplinary approach as the most important methodological approach to the study of modern money. *Ekonomika. Nalogi. Pravo (Economics, taxes & law)*, 2020, vol. 13, no. 5, pp. 6—14. (In Russ.) DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-5-6-14.
3. Kochergin D. A. The roles of virtual currencies in the modern payment system. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies, SUJES*, 2017, vol. 33, no. 1, pp. 119—140. (In Russ.)
4. Portnoi M. A. The role of money, cryptocurrency and gold in the modern monetary policy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. (Economics, taxes & law)*, 2019, no. 1, pp. 20—29. (In Russ.) DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-1-20-29.
5. Simanovskiy A. Yu. On the issue of crypto-currency economic nature. *Voprosy Ekonomiki*, 2018, no. 9, pp. 132—142. (In Russ.) DOI: 10.32609/0042-8736-2018-9-132-142.
6. *Modern theory of money. Monograph*. Ed. by M. A. Abramova. Vol. 2. Research at the functional level. Moscow, Knorus, 2021. 208 p. (In Russ.)
7. Dong H. et al. Virtual currencies and beyond: initial considerations. *IMF Staff Discussion Note*, 2016, SDN/16/03.
8. Adrian T., Mancini-Griffoli T. *The rise of digital money*. URL: <https://www.imf.org/FTNEA2019001.pdf>.
9. Fernández-Villaverde J., Sanches D., Schilling L., Uhlig H. Central bank digital currency: Central banking for all? *Review of Economic Dynamics*, 2020, available online 29 Dec.
10. Brunnermeier M. K., Niepelt D. On the equivalence of private and public money. *Journal of Monetary Economics*, 2019, vol. 106, pp. 27—41.
11. Domashenko A. A., Abramova M. A., Lunyakov O. V. Interrelation of digital currency introduction into payment operations and labour productivity. *Ekonomika. Nalogi. Pravo. (Economics, taxes & law)*, 2019, no. 6, pp. 30—38. (In Russ.)
12. Kiselev A. *Is there a future for digital currencies of central banks?* (In Russ.) URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/71328/analytic_note_190418_dip.pdf.
13. Reykhert N. V. Analysis of digital currency implementation models in Russia. *Business. Education. Law*, 2021, no. 4, pp. 76—83. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2021.57.410.
14. *Report for public consultations “Digital ruble”*. (In Russ.) URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf.
15. Marx K., Engels F. Criticism of political economy. In: *Collected works*. In 30 vols. Vol. 13. 2nd ed. Moscow, Politizdat, 1959. 771 p. (In Russ.)
16. Harris L. *Monetary theory*. Transl. from English. Moscow, Progress, 1990. 750 p. (In Russ.)
17. Mankiw N. G. *Principles of economics*. South-Western College Publ., 2003. 840 p.
18. Hayek F. *Private money*. Moscow, Institute for National Model of Economics, 1996. 202 p. (In Russ.)
19. Friedman M., Schwartz A. *Monetary Statistics of the United States*. New York, 1970. 629 p.
20. Jevons W. S. *Money and the Mechanism of Exchange*. London, 1875. 349 p.
21. Prokopenko Z. V. Economic phenomenology: the myth of denationalization. *Economic Herald of Rostov State University*, 2008, vol. 6, no. 3, part 3, pp. 27—28. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-fenomenologiya-mif-o-denatsionalizatsii>.

Статья поступила в редакцию 22.11.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 20.12.2021.
The article was submitted 22.11.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 20.12.2021.